

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161

Научная статья / Research paper

Г.Г. Косач*

**ВО ИМЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ:
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА САУДОВСКОЙ АРАВИИ
ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматривается эволюция внешней политики Саудовской Аравии после событий «арабской весны» 2011 г. в контексте общих изменений в регионе Ближнего Востока и арабского мира. В это десятилетие, как подчеркивает автор, внешняя политика королевства подверглась фундаментальной трансформации. Изменения коснулись в первую очередь самой сущности саудовского внешнеполитического курса в силу переосмысления политическим истеблишментом подходов к определению роли страны в регионе и мире. До 2011 г. эта роль связывалась с защитой интересов международного мусульманского сообщества, когда Саудовская Аравия — «страна Двух Святынь» — позиционировала себя как его центральное звено и в достижении своих внешнеполитических целей опиралась главным образом на свой религиозный авторитет и финансовые возможности. Однако события «арабской весны», которые, по мнению руководства Саудовской Аравии, спровоцировали региональный хаос и способствовали выходу на авансцену политической жизни экстремистских групп и течений, потребовали существенной корректировки традиционных подходов и установок. Саудовская Аравия с большей четкостью, чем когда бы то ни было, заявила о своем статусе национального государства, которое имеет собственные, не связанные только с абстрактной «мусульманской уммой» интересы и, более того, претендует на роль регионального лидера. Впрочем, как показывает автор, эти новые установки не означали полного разрыва с предшествующей практикой. Ядром внешней политики Саудовской Аравии осталось противостояние с Ираном, которое приобрело еще

* Косач Григорий Григорьевич — доктор политических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: g.kosach@mail.ru).

более жесткий характер. В статье показано, что именно противодействие Ирану, в обосновании которого теперь присутствует еще и дискурс защиты национальных интересов королевства, предопределило характер и конкретное наполнение деятельности Саудовской Аравии по всем ключевым направлениям ее внешней политики, включая взаимодействие с Советом сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), подходы к решению палестино-израильского конфликта, борьбу с терроризмом и, наконец, отношения с Соединенными Штатами. Трансформация саудовской внешней политики, с одной стороны, открыла новые возможности для укрепления взаимодействия королевства с Израилем, а с другой — предопределила нарастание кризисных тенденций и противоречий в рамках стратегического партнерства с США. В этой связи автор заключает, что в настоящий момент перед Саудовской Аравией особенно остро стоит задача диверсификации внешней политики для повышения международного веса и субъектности королевства.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Сальман бен Абдель Азиз, Мухаммед бен Сальман, саудовская внешняя политика, «арабская весна», ССАГЗ, Иран, Израиль, международный терроризм, США.

Для цитирования: Косач Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 131–161. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161.

Grigorii G. Kosach

**IN THE NAME OF THE NATIONAL INTERESTS:
FOREIGN POLICY OF SAUDI ARABIA
AFTER THE ARAB SPRING**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The paper examines the evolution of Saudi Arabia's foreign policy in the context of wider changes in the Middle East and in the Arab world triggered by the Arab Spring. The author argues that during this decade the Kingdom's foreign policy has witnessed a fundamental transformation: the very essence of the Saudi foreign policy course has changed significantly as the political establishment has substantially revised its approaches to the country's role in the

region and in the world. Before 2011, Saudi Arabia — the land of the ‘Two Holy Mosques’ — positioned itself as a representative of the international Muslim community and in pursuing its foreign policy relied primarily on the religious authority and financial capabilities. However, according to Saudi Arabia’s leaders, the Arab Spring has plunged the region into chaos and has bolstered the influence of various extremist groups and movements, which required a significant adjustment of traditional political approaches. Saudi Arabia, more explicit than ever before, has declared itself as a nation state, as a regional leader possessing its own interests beyond the abstract ‘Muslim Ummah’. However, the author stresses that these new political ambitions do not imply a complete break with the previous practice. For example, the containment of Iran not only remains the cornerstone of Saudi Arabia’s foreign policy, but has become even more severe. The paper shows that it is this opposition to Iran, which is now justified on the basis of protecting the national interests, that predetermines the nature and the specific content of contemporary Saudi Arabia’s foreign policy including interaction with the Gulf Cooperation Council (GCC), approaches towards the solution of the Israeli-Palestinian conflict, combating terrorism, and relations with the United States. In that regard, the transformation of Saudi Arabia’s foreign policy has, on the one hand, opened up new opportunities for strengthening the Kingdom’s interaction with Israel, but, at the same time, has increased tensions within the framework of strategic partnership with the United States. The author concludes that currently Saudi Arabia is facing a challenge of diversifying its foreign policy in order to increase its international profile and political subjectivity.

Keywords: Saudi Arabia, Salman bin Abdulaziz Al Saud, Mohammad bin Salman Al Saud, Saudi foreign policy, the Arab Spring, Gulf Cooperation Council, Iran, Israel, international terrorism, the United States.

About the author: Grigorii G. Kosach — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of Regional Issues of the World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: g.kosach@mail.ru).

For citation: Kosach G.G. 2021. In the name of the national interests: Foreign policy of Saudi Arabia after the Arab Spring. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 4, pp. 131–161. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161. (In Russ.)

Данная статья посвящена исследованию процесса трансформации (еще далеко не закончившейся) внешней политики Саудовской Аравии после событий «арабской весны» 2011 г. Выбор этой темы обусловлен не только неугасающим интересом (как в России, так и

за ее пределами) к феномену «арабского пробуждения», но в первую очередь — необходимостью осмыслить многообразное влияние этих событий на все страны Ближнего Востока и арабского мира, включая и те из них, которые не оказались в эпицентре политических потрясений (Саудовская Аравия тому пример). Отечественная историография уже дала общий ответ на вопрос о том, почему эта страна, а также иные монархии Залива за исключением Бахрейна не были или практически не были затронуты «арабской весной». Говоря об этом, академик В.В. Наумкин подчеркивал, что речь должна идти о более высоком «факторе легитимности» этих монархических режимов по сравнению с режимами республиканскими и авторитарными [Наумкин, 2011]. Разумеется, это имеет прямое отношение и к саудовскому королевству.

Однако если основы саудовской политической системы и не были потрясены, то это ни в коей мере не означало, что события в окружающем страну геополитическом пространстве не оказали на нее воздействия. При всех оговорках, связанных с пониманием региона арабского мира, он действительно существует как реальное пространство, элементы которого объединены совокупностью спланированных его политических и социально-экономических проблем, что, собственно, более чем ярко проявилось во время (как и неоднократно проявлялось ранее) «арабской весны». Воздействие, оказанное ею на Саудовскую Аравию, было многогранно и многоаспектно, оно окончательно превратило местный «образованный класс» (хотя у него всё еще отсутствуют собственные инструменты политического действия) в один из центров (наряду с правящей семьей) принятия политических решений и значительно сузило возможности ранее единственного партнера режима — религиозного истеблишмента и его практически неограниченное прежде социальное господство. Это воздействие привело к расширению каналов социальной мобильности, началу движения по пути ускоренной женской эмансипации, более радикальной модернизации общественной жизни и, наконец, к выдвиганию программы социально-экономической перестройки — «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030».

«Арабская весна» не могла не отразиться и на внешней политике страны. Саудовская Аравия демонстрировала (после 2015 г. прежде всего) тенденцию ко всё более последовательному отходу от того типа самоидентификации, согласно которому ранее определяла себя как центральное звено всемирного мусульманского сообще-

ства и/или защитника интересов всемирной *уммы*. Она начала позиционировать себя как национальное государство с собственными национальными (а не абстрактно «всемирно-мусульманскими») интересами, активно участвующее в региональных и международных процессах, претендующее на роль ведущего регионального центра силы. Происходил отход, если воспользоваться выражением российского исследователя Н.Ю. Суркова, от «мантры об исключительности» [Сурков, 2020: 228] к утверждению лидерства и активному противостоянию противникам движения в этом направлении (Ирану и его партнерам — государствам и негосударственным акторам). По словам же А. Эхтешами, речь шла о «возрождении роли Саудовской Аравии как региональной державы» [Ehteshami, 2018: 76].

Саудовские исследования — одно из значительных направлений работ в сфере отечественной арабистики. Достаточно сослаться в этой связи на классическую для этой сферы, неоднократно переиздававшуюся и уже давно введенную в поле зрения зарубежных авторов «Историю Саудовской Аравии» А.М. Васильева [Васильев, 1999]. Немалое внимание этой проблематике уделили академик В.В. Наумкин [Наумкин, 2011, 2018] и автор настоящей статьи [Косач, 2016, 2019, 2021]. Указанные работы важны с точки зрения выявления констант саудовской внешней политики, демонстрирующих постоянство на протяжении всего существования государства. Однако в силу временных рамок в этих исследованиях редко подробно освещалась внешнеполитическая стратегия Саудовской Аравии после 2011 г. либо основное внимание уделялось эволюции внутривнутриполитической ситуации в королевстве (см., например: [Косач, 2007, 2008]). Не менее важно и то, что отечественные авторы, как правило, предпочитали рассматривать саудовскую внешнюю политику через призму советских/российских или американских/западных интересов.

Зарубежная историография, посвященная Саудовской Аравии, столь же значительна. Тому немало причин, важнейшей из которых выступает органическое включение страны в систему мирохозяйственных связей и мировой политики. Внутренние события в Саудовской Аравии, как и колебания в сфере ее внешней политики, оказывают глубокое воздействие не только на региональную ситуацию, но и на всю совокупность международных отношений. В силу этого обстоятельства саудовские исследования всегда находились в центре внимания западных политологов, экономистов, специалистов по вопросам религии и международным отношениям. Работы М.

Абира [Abir, 1974, 1994, 2015], М. ар-Рашид [al-Rasheed, 1997, 2010, 2018], М. Катца¹, Х.Х. аль-Алкима [al-Alkim, 2012], в которых рассматриваются исторический путь и современное состояние Саудовской Аравии, дают представление и о ее сегодняшней внешнеполитической линии. Вместе с тем отмеченные авторы (труды М. ар-Рашид являются в этом отношении исключением) предпочитают, как и их российские коллеги, анализировать саудовский внешнеполитический курс в контексте современных отношений с Россией (воскрешая прежние советологические подходы), с Соединенными Штатами либо через призму саудовско-иранского регионального соперничества (в определенной мере и саудовско-катарского противостояния), но при этом концентрируя свое внимание на выгодах этого соперничества или вытекающих из него потерях для американской или российской стороны. Итог такого взгляда — снижение уровня субъектности Саудовской Аравии в качестве актора региональной и мировой политики.

Существует, тем не менее, и важный пласт саудовских (и арабских) работ, в которых анализируется внешнеполитический курс страны на разных этапах ее эволюции. Среди таких исследований — специальные издания Министерства иностранных дел КСА и крупнейшего историко-архивного центра Дара аль-малик Абдель Азиз (Архив и исследовательский институт имени короля Абдель Азиза) — сборники «Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет» и «Королевство Саудовская Аравия за сто лет. Внешняя политика». Саудовская историография представлена также защищенной в России докторской диссертацией М. ат-Турки, вышедшей в дальнейшем на русском языке как монография «Саудовско-российские отношения в глобальных и региональных процессах (1924–2004 гг.)» [ат-Турки, 2005]. В этот пласт работ входят также исследования последних лет, касающиеся проблем безопасности в регионе Залива и саудовско-американских отношений, написанные Х. ар-Рашидом и А. аль-Курди.

Задача, которую ставит перед собой автор данной статьи, состоит, таким образом, в том, чтобы представить картину эволюции приоритетных направлений внешней политики Саудовской Аравии после

¹ Katz M. Balancing act: Russia between Iran and Saudi Arabia // LSE Middle East Center. 26.06.2018. Available at: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/06/26/balancing-act-russia-between-iran-and-saudi-arabia> (accessed: 20.09.2021).

2011 г., обращая особое внимание на период после 2015 г., когда на трон взошел король Сальман бен Абдель Азиз, а наследным принцем стал Мухаммед бен Сальман. Это время, когда внешнеполитический курс обрел черты «жесткости», что проявилось и в активном участии в региональных процессах, и в сфере отношений со стратегическим партнером — Соединенными Штатами. Новизна работы заключается в том, что в ней показан реальный уровень субъектности страны в ее контактах и отношениях с иными акторами мировой политики.

Иран в контексте саудовской политики

Оценивая воздействие «арабской весны» на ближневосточное региональное пространство в целом и Саудовскую Аравию в частности, сотрудники эр-риядского Центра аналитики и исламских исследований имени короля Фейсала особое внимание уделяли проблеме «иранской экспансии», направленной на то, чтобы «сокрушить национальное государство» (т.е. Саудовскую Аравию) при опоре на «идеологию религиозного экстремизма». Едва ли не впервые исследовательский центр королевства выступил с утверждением, что Саудовская Аравия — «национальное государство» с собственными «национальными интересами», а не абстрактное «место Божественного откровения»². Защита этого государства провозглашалась первоочередной задачей.

Поддерживая этот вывод, один из наиболее осведомленных саудовских журналистов, в недалеком прошлом главный редактор мировой арабоязычной газеты «аш-Шарк аль-Аусат» и генеральный директор спутниковой телевизионной компании «аль-Арабийя» Абдель Рахман ар-Рашид делал вывод о необходимости отхода саудовской дипломатии от «мягкости» — опоры только на религиозный авторитет «страны Двух Святынь» и ее «финансовые возможности». Речь более не могла идти об отказе от участия в региональных событиях; напротив, эксперт говорил о необходимости «прямого» вмешательства в их развитие. Переход к «жесткости» определялся и неудачами курса на союз с «дружественной державой» (эвфемизм, за которым скрывалась ориентация на Соединенные Штаты как гаранта

² ас-Сияса аль-хариджийя ли аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя: истимрар ам тагиир? [Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия: последовательность или изменение?] // King Faisal Center for Research and Islamic Studies. 12.11.2013. Доступ: <http://www.kfcris.com/pdf/7f0ed1a91ff4a53cc6fe05b05a5982ce57cdca3ced0a1.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).

же режима Муаммара Каддафи, который обвинялся в заговоре против предшественника нынешнего монарха Абдаллы бен Абдель Азиза, Саудовская Аравия заняла гораздо более решительную позицию, доказывая его нелегитимность в ССАГЗ и Лиге арабских государств (ЛАГ) и настаивая на необходимости переноса «ливийского досье» на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Прямое вмешательство Катара и ОАЭ во внутриливийский конфликт в Эр-Рияде полностью оправдывали.

Что касается сложившейся в 2011 г. ситуации в Бахрейне, то в цитиrowавшемся выше издании Центра аналитики и исламских исследований имени короля Фейсала подчеркивалось, что ее определяла необходимость проведения политических реформ, инициатива которых была перехвачена «экстремистскими шиитскими революционно-религиозными движениями». Их требования «цинично использовало иранское руководство». Отталкиваясь от того, что «стабильность и безопасность Бахрейна — неотъемлемый элемент безопасности, стабильности и жизненных интересов всех стран ССАГЗ», писали авторы издания, королевство взяло инициативу в свои руки, отправив контингент саудовских вооруженных сил в эту страну. В итоге Бахрейн был «избавлен от судьбы несостоявшегося государства» и «жертвы иранской экспансии»⁵.

Свержение режима Хосни Мубарака в Египте рассматривалось в Эр-Рияде как прямая угроза саудовской безопасности. Саудовское руководство считало «ставленника движения “Братья-мусульмане”» президента Мухаммеда Мурси «опасным для Египта и всего региона», поскольку «сущность этого движения определяется одним словом — фашизм». Эр-Рияд был обеспокоен и начавшимся потеплением в египетско-иранских отношениях, считая, что существует «органическая связь между идейными воззрениями “Братьев-мусульман” и тегеранской муллократией»⁶. Совершенный в начале июля 2013 г. в Каире военный переворот был с удовлетворением встречен в Саудовской Аравии. Поздравляя новое египетское руководство, Абдалла бен Абдель Азиз говорил о «мужестве египетских воору-

⁵ ас-Сияса аль-хариджийя ли аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя: истимпар ам тагир? С. 11.

⁶ ар-Рашид А.Р. ат-Тафаъуль маа «аль-Ихван» баад ар-риаса [Взаимодействие с «Братьями» после президентства] // аш-Шарк аль-Аусат. 26.06.2012. Доступ: <http://classic.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=683656&issueno=12264> (дата обращения: 29.08.2021).

женных сил, под руководством генерала Абдель Фаттаха ас-Сиси выведших Египет из тьмы подземелья»⁷.

Внутрисирийский кризис оценивали в королевстве как едва ли не наиболее яркий пример «преступной иранской экспансии», опирающейся на «клан Башшара Асада» и «сеющие рознь конфессионалистские группировки» (прежде всего имелась в виду «Хизбалла»). Выступив в качестве покровителя «умеренной» оппозиции (в которой Эр-Рияд видел инструмент «срыва иранского проекта»⁸) и признав ее в декабре 2012 г. «законным представителем сирийского народа», саудовский истеблишмент жестко определил свою (остающуюся в своих основных параметрах неизменной и сегодня) позицию: «Башшар Асад, а также его приближенные, руки которых запятнаны кровью сирийского народа, не могут играть какой-либо роли в будущей Сирии»⁹.

Инструмент иранского экспансионизма саудовский истеблишмент видел и в хуситском движении «Ансар Алла» в Йемене. Его действия рассматривались как государственный переворот, прервавший национальный диалог на основе принятой в апреле 2011 г. «Инициативы стран Залива». Опасность складывавшейся в Йемене ситуации заключалась в том, что она несла угрозу дестабилизации в юго-западных регионах Саудовской Аравии — Асире и Неджране, где компактно сконцентрированы шиитские меньшинства (исмаилиты и, в меньшей степени, зейдиты). В конце 2009 — начале 2010 г. саудовская армия противостояла хуситским инфильтрантам. В марте 2015 г., сформировав «арабскую коалицию» в составе большинства стран ССАГЗ и ряда мусульманских государств (в дальнейшем число ее участников последовательно сокращалось), Саудовская Аравия начала антихуситскую военную операцию, которая продолжается

⁷ Аль-Малик Абдалла юханны раис Маср [Король Абдалла поздравляет главу Египта] // аш-Шарк аль-Аусат. 04.07.2013. Доступ: <http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=734918&issueno=12637> (дата обращения: 16.09.2021).

⁸ ар-Рашид А.Р. Муатамар ар-Рияд ва аль-бахс ан бадиль ли аль-Асад [Конференция в Эр-Рияде и поиск альтернативы Асаду] // аш-Шарк аль-Аусат. 08.12.2015. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/514441/الربيع-مؤتمر/الراشد-الرحمن-عبد-البحر-الرياض-مؤتمر> (дата обращения: 15.09.2021).

⁹ аль-Амир Сауд аль-Фейсал: аль-Асад ва низамуху ля яльаб ай даур фи Сурия аль-муस्ताкбаль [Принц Сауд аль-Фейсал: Асад и его режим не будут играть никакой роли в будущей Сирии] // аш-Шарк аль-Аусат. 26.05.2013. Доступ: <http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=729987&issueno=12598> (дата обращения: 18.09.2021).

и сегодня, но всё так же с неясной перспективой. Ответные действия хуситов приняли форму ракетных ударов (как и ударов с помощью дронов) по объектам саудовской экономической и военной инфраструктуры. Обвинения Ирана в поставках вооружения движению «Ансар Алла» — общее место саудовской информационной политики.

Казнь шиитского активиста (вместе с группой членов суннитского антисистемного подполья) Нимра ан-Нимра, обвиненного в организации в 2011 г. антиправительственных волнений в городе аль-Авамийе (Восточная провинция Саудовской Аравии), спровоцировала в январе 2016 г. разрыв дипломатических отношений с Тегераном. Следствием стало еще большее усиление антииранской риторики. В ноябре 2017 г. Мухаммед бен Сальман, подводя итоги «арабской весны» и называя ее «смутой в арабском мире», заявлял, что эта «смута» позволила «тегеранским муллам» установить господство «над Дамаском, Саной, Багдадом и Бейрутом». Наследный принц ставил задачу создать «фронт противостояния иранскому экспансионизму». Проводя параллель с нацистской Германией, он заявлял: «Курс на умиротворение, как и в Европе 1930-х годов, не может быть успешным»¹⁰. Годом ранее, в январе 2016 г., занимавший тогда пост главы саудовского внешнеполитического ведомства Адиль аль-Джубейр писал: «Иран продолжает курс экспорта революции, поддерживая экстремистов — Хизбаллу в Ливане, хуситов в Йемене, шиитские военизированные формирования в Ираке». Оказывая помощь Б. Асаду и нанося удары по сирийской оппозиции, — продолжал он, — Иран «помогает процветанию ИГИЛ»¹¹. Взаимодействие с Ираном, подчеркивал А. аль-Джубейр, возможно лишь при одном условии — он должен отказаться от того, чтобы считать себя «революционным государством»¹².

Проблема Ирана приобрела для Саудовской Аравии дополнительную остроту после достижения летом 2015 г. «группой 5+1» и Тегераном Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД).

¹⁰ Мухаммед бен Сальман: лян насмах би Гитлер ираний джадид [Мухаммед бен Сальман: не позволим появиться новому Гитлеру] // аш-Шарк аль-Аусат. 26.11.2017. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/1094146/إيراني-بيتهلر-نسمح-لن-سلمان-بن-محمد-الأوسط-الشرق-منطقة-في-جديد> (дата обращения: 20.10.2021).

¹¹ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

¹² аль-Джубейр А. Халь юмкин ли Иран ан ятагайар? [Может ли измениться Иран?] // аш-Шарк аль-Аусат. 20.11.2016. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/548036/هل-لاير-ان-يتمكن-أن-تتغير-الجبير-أحمد-بن-عادل> (дата обращения: 18.09.2021).

Официально Эр-Рияд подчеркивал, что соглашение должно исключить возможность обретения Ираном ядерного оружия, а также создать «особый, строгий и постоянный механизм инспекции всех объектов, в том числе военных», допуская при необходимости «быстрое и эффективное повторное введение санкций». КСА настаивало на том, что «Иран не должен использовать свои ресурсы в интересах дестабилизации»¹³.

Саудовская пресса прибегала к более жестким выражениям. Уже упоминавшийся А.Р. ар-Рашид писал: СВПД «не оставляет сомнений в том, что опасность, исходящая от дьявольского государства, возрастает»¹⁴. В дальнейшем критика соглашения только усиливалась. Как замечал тот же автор, оно «не ликвидирует военную составляющую ядерной программы, а лишь отдаляет ее». Снятие санкций с Ирана, добавлял он, «не обусловлено прекращением ведущихся им враждебных военных действий». Поскольку Ирану уже удалось установить контроль над Сирией и Ираком, постольку «с помощью этой военной составляющей мощь Тегерана еще более возрастет»¹⁵. Саудовская Аравия будет вынуждена противостоять этой растущей мощи, как замечал в марте 2018 г. Мухаммед бен Сальман, создав собственное ядерное оружие, «если к этому ее вынудит Иран»¹⁶. Слова наследного принца, став информационным поводом, дебатировались в прессе. Колумнист газеты «Оказ» и комментатор канала «аль-Арабийя» М. Аль аш-Шейх писал: «Реальность региона заставляет нас идти по пути создания ядерного оружия, отвечая на иранскую ядерную угрозу»¹⁷.

¹³ Official source on nuclear deal between Iran and 5+1 Group // Saudi Press Agency. 14.07.2015. Available at: <https://www.spa.gov.sa/viewstory.php?newsid=1380735> (accessed: 18.09.2021).

¹⁴ ар-Рашид А.Р. Иран дыдд ас-Саудийя [Иран против Саудовской Аравии] // аш-Шарк аль-Аусат. 06.04.2015. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/329646/السعودية-تضد-إيران-الراشد-الرحمن-عبد> (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁵ ар-Рашид А.Р. Муваджаха Корея ва Иран [Противостояние Кореи и Ирану] // аш-Шарк аль-Аусат. 26.09.2017. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/1034181/إيران-و-كوريا-مواجهة-الراشد-الرحمن-عبد> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁶ Saudi crown prince: If Iran develops nuclear bomb, so will we // CBS. 15.03.2018. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/saudi-crown-prince-mohammed-bin-salman-iran-nuclear-bomb-saudi-arabia/> (accessed: 18.09.2021).

¹⁷ Аль аш-Шейх М. Ля халль илля имтиляк ас-силах ан-нававий [Единственный выход — обладание ядерным оружием] // аль-Арабийя. 23.12.2020. Доступ: <https://www.alarabiya.net/ar/politics/2020/12/23/لا-حل-الا-امتلاك-السلح-النووي> (дата обращения: 18.09.2021).

В Эр-Рияде утверждали, что нападения на объекты компании Saudi ARAMCO в сентябре 2019 г. и ноябре 2020 г. (в день, когда проходила виртуальная встреча глав государств — членов «G20» под председательством Саудовской Аравии) были осуществлены в первом случае с территории Ирана, а во втором — йеменскими хуситами, использующими иранское вооружение. Речь шла уже не просто о саудовско-иранском противостоянии, но о покушении Тегерана на безопасность мировой энергетической системы — Иран квалифицировался как «кошмар для всего мира», а его обуздание становилось задачей «всего международного сообщества»¹⁸. Саудовская же Аравия, если отталкиваться от слов автора «аш-Шарк аль-Аусат» и «аль-Арабийя» Мшари аз-Заиди, представляла как неотъемлемая часть «цивилизованного» мира. Она — член «клуба двадцати крупнейших и влиятельнейших экономик», ее усилиями определяются приемлемые для «производителей и потребителей цены на энергетическое сырье» и, наконец, она стоит «на страже мира и стабильности»¹⁹.

Саудовская пресса фактически приветствовала физическое устранение ведущих фигур иранской ядерной программы и Корпуса стражей исламской революции. В ее публикациях говорилось об ответственности генерала Касема Сулеймани как «за подготовку и осуществление массовых расправ в Сирии, когда целые семьи были похоронены под развалинами домов в Алеппо», так и за создание «военизированных шиитских формирований в Ираке, наводивших ужас на города этой страны». Его не стоило жалеть, ведь он воплощал «мечту о воскрешении иранской империи»²⁰. Но и физик Мохсен Фахри-заде не заслуживал сожаления — он был «винтиком режима, избравшего политические убийства в качестве одного из методов

¹⁸ ар-Рашид А.Р. Иран миадала акбар мин ас-Саудийя [Иран — более значимая проблема, чем Саудовская Аравия] // аш-Шарк аль-Аусат. 19.09.2019. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/1909201/السعودية-من-أكبر-معضلة-إيران/الراشد-الرحمن-عبد> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁹ аз-Заиди М. Ман нахну? Хадис Мухаммед бен Сальман [Кто мы? Слова Мухаммеда бен Сальмана] // аш-Шарк аль-Аусат. 30.04.2021. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2946971/الذائدي-مشاري/سلمان-بن-محمد-حديث-نحن-من-الذائدي-مشاري> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁰ ар-Рашид А.Р. Макталя Сулеймани: тараджуа ам интикам? [Убийство Сулеймани: отступление или месть?] // аш-Шарк аль-Аусат. 05.01.2020. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2066571/الراشد-الرحمن-عبد-أم-ترجع-سليمان-مقتل> (дата обращения: 18.09.2021).

борьбы с противниками». Если же «этот метод был однажды выбран, то почему к нему не могут прибегнуть и противники иранского гегемонизма?» — замечал колумнист газеты «аш-Шарк аль-Аусат»²¹.

Совет сотрудничества: контекст «жесткой» саудовской политики

Процесс «ужесточения» внешней политики Саудовской Аравии коснулся и ее позиции в отношениях с ССАГЗ, который в Эр-Рияде определяли как «стратегический тыл Королевства» [ар-Раджхи, 2007: 234]. Это было второе важнейшее направление в списке саудовских внешнеполитических приоритетов, значение которого также тесно связывалось с «деструктивными» действиями Тегерана. Речь шла о требованиях подвергнуть Совет сотрудничества структурной перестройке, триггером для которых послужила ситуация в Бахрейне.

В декабре 2011 г., обращаясь в Эр-Рияде к главам государств Залива, участвовавшим в очередной сессии Высшего совета ССАГЗ, Абдалла бен Абдель Азиз поставил вопрос об «эпохе требующих бдительности вызовов». Это означало, по его мнению, что страны Совета сотрудничества обязаны «перейти от этапа *сотрудничества* — *таавун* к этапу *союза* — *иттихад*», предполагающему отказ от части национального суверенитета, если они не хотят «столкнуться с забвением и слабостью»²². И хотя идею превращения Совета сотрудничества в «союз» монархии Залива встретили достаточно прохладно, она имела практические последствия.

В ноябре 2012 г. на рассмотрение глав государств ССАГЗ было представлено Соглашение о взаимодействии в сфере безопасности, которое было затем утверждено ими на декабрьском саммите того же года в бахрейнской столице. А в начале марта 2014 г., сославшись на то, что Катар не выполняет положения этого документа, Саудовская Аравия отозвала своего посла из Дохи. Королевство постаралось использовать этот кризис для обуздания внешнеполитической ак-

²¹ аль-Утейби А. ас-Сихр ва ас-сахир: Мохсен Фахри-заде [Магия и маг: Мохсен Фахри-заде] // аш-Шарк аль-Аусат. 29.11.2020. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2653026/العتيبي-بجاء-بن-عبدالله-السحر-محسن-والساحر-زاده-فخري> (дата обращения: 18.09.2021).

²² аль-Малик Абдалла ядъу дуваль Маджлис ат-таавун ли аль-интикаль иля мархаля аль-иттихад [Король Абдалла призывает государства Совета сотрудничества перейти к этапу союза] // ар-Рияд. 20.12.2011. Доступ: <https://www.alriyadh.com/693340> (дата обращения: 19.09.2021).

тивности Катара, начинавшего играть роль второго центра силы в Совете сотрудничества. Эр-Рияд пошел на этот беспрецедентный шаг, для того чтобы укрепить свои позиции в ССАГЗ, одновременно противодействуя контактам Катара с теми политическими структурами (в частности, «Братьями-мусульманами»), которые рассматривались саудовской стороной как террористические.

В середине ноября 2014 г. первый саудовско-катарский конфликт был разрешен. Коммюнике состоявшейся 16 ноября в саудовской столице встречи глав государств ССАГЗ (за исключением Омана) сообщало о достижении согласия между ее участниками, заявлявшими о своем стремлении сформировать «сильное и сплоченное образование — киян» в зоне Залива. Появление такого «образования» (квалифицировавшегося в Эр-Рияде в качестве преддверия «союза») объяснялось «обстоятельствами, требующими укрепить сплоченность, добиться безопасности и сохранить стабильность»²³.

Однако в июне 2017 г. последовало новое обострение саудовско-катарских отношений, не в последнюю очередь спровоцированное амбициями Мухаммеда бен Сальмана. В адрес Катара снова звучали обвинения в «поддержке терроризма и экстремизма», пропаганда которых осуществлялась, как утверждали в Эр-Рияде, спутниковым телевизионным каналом «аль-Джазира» — одним из символов «арабской весны», а также в поддержании союза с Тегераном. Это была очередная попытка заставить Доху отказаться от развития связей с региональными негосударственными акторами, провозглашавшимися Саудовской Аравией «инструментами иранского экспансионизма» (к которым были отнесены «Братья-мусульмане», ХАМАС и «Хизбалла») ²⁴.

Новый кризис не привел к капитуляции Катара. Напротив, был поставлен вопрос о возможности распада ССАГЗ — в начале декабря 2018 г. А.Р. ар-Рашид замечал: «Если нынешнее положение сохранится и далее, то Совет может уйти в небытие»²⁵. Однако такого

²³ Нассе байан кимма ар-Рияд [Текст заявления Эр-Риядского саммита] // аш-Шарк аль-Аусат. 17.11.2014. Доступ: <http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&article=794843&issueno=13138> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁴ Аль-Джубейр: ля муфавадат маа Катар [аль-Джубейр: никаких переговоров с Катаром] // аль-Арабийя. 28.06.2017. Доступ: <https://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/2017/06/27.html> (дата обращения: 20.10.2021).

²⁵ ар-Рашид А.Р. Халь хан инха Маджлис ат-таавун? [Настало время роспуска Совета сотрудничества?] // аш-Шарк аль-Аусат. 09.12.2018. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/1496456/عبد-الرحمن-الراشد-هل-انها-محان-مجلس-التعاون؟> (дата обращения: 18.09.2021).

развития событий Саудовская Аравия допустить не могла — условия «постреволюционной эпохи» настоятельно требовали устранения разногласий. По замечанию аналитика Центра дипломатических исследований имени Сауда аль-Фейсала Министерства иностранных дел С.М. аль-Хасьяна, Ближний Восток находится в состоянии «перманентного кризиса, колеблющегося между политическими спорами и вооруженной борьбой» и заставляющего «национальное государство постоянно искать выход из существующей региональной ловушки»²⁶. Это диктовало необходимость восстановления саудовско-катарских связей.

В итоге примирение было достигнуто накануне саммита ССАГЗ, прошедшего в начале января 2021 г. в саудовском городе аль-Уле. Как писал А.Р. ар-Рашид, «не все наши желания были удовлетворены, но примирение стало положительным шагом для всех». Он же добавлял: «Проблема росла, и ее нельзя было бы решить, повышая и далее потолок требований в мире, живущем по собственным законам»²⁷. В ходе личной встречи Мухаммеда бен Сальмана и эмира Тамима Аль Тани в аль-Уле была достигнута договоренность о расширении саудовско-катарского диалога. В заключительном коммюнике саммита подтверждалась важность «перехода ССАГЗ от этапа сотрудничества к этапу союза»²⁸.

Палестино-израильский конфликт: новые нюансы подхода

Сложившаяся после 2011 г. региональная ситуация меняла саудовский подход и к палестино-израильскому противостоянию. Всё большее значение приобретала установка на взаимодействие с израильской стороной, в которой видели ситуативного союзника в борьбе за «обуздание иранского экспансионизма».

Выступая в ноябре 2020 г. в Консультативном совете, Сальман бен Абдель Азиз подчеркивал: «Королевство стоит на стороне палестин-

²⁶ аль-Хасьян С.М. ас-Сияса аль-хариджийя ас-саудийя ва аль-фахх аль-иклимий [Саудовская внешняя политика и региональная ловушка] // Okaz. 04.03.2019. Доступ: <https://www.okaz.com.sa/articles/na/1709941> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁷ ар-Рашид А.Р. ат-Тасалюх маа Катар [Примирение с Катаром] // аш-Шарк аль-Аусат. 06.01.2021. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2723761/عبد-الرحمن-عبد-القطر-مع-التصالح-الراشد> (дата обращения: 18.09.2021).

²⁸ Насс аль-Байян аль-хитами ли аль-кимма аль-халиджийя фи аль-Уля [Текст Заключительного коммюнике саммита ССАГЗ в аль-Уле] // аш-Шарк аль-Аусат. 05.01.2021. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2723681/البيان-بنود-نص-العلافي-الخليجية-القمة-عن-الصادر-117> (дата обращения: 18.09.2021).

ского народа в деле создания независимого государства со столицей в Восточном Иерусалиме, что отвечает решениям международной законности и арабской мирной инициативе. Мы поддерживаем усилия, направленные на установление мира на Ближнем Востоке на основе переговорного процесса между палестинской и израильской сторонами ради достижения справедливого и постоянного соглашения»²⁹. Время, прошедшее после принятия Бейрутским саммитом ЛАГ в 2002 г. предложенной Абдаллой бен Абдель Азизом «арабской мирной инициативы», не изменило саудовскую позицию — Эр-Рияд продолжал настаивать на решении палестино-израильского конфликта на основе сосуществования двух государств.

Слова монарха дополнял наследный принц: «Палестинцы и израильтяне имеют право на свою землю», но только при условии достижения «мирного соглашения, гарантирующего всем стабильность и нормальные связи». Выполнение этого условия могло вывести ситуацию к многообещающим перспективам: «Израиль — это более значимая, чем его территория, растущая экономика, и в условиях мира мы будем иметь немало совместных интересов»³⁰.

И всё же события «арабской революции» внесли коррективы в позицию Эр-Рияда в отношении еврейского государства: «В условиях, когда реализуется агрессивный иранский проект, становится ясно, что Израиль — единственное государство, использующее силу для обуздания Ирана в Сирии», — подчеркивал А.Р. ар-Рашид в одной из своих статей, имея в виду израильские воздушные удары по позициям Корпуса стражей исламской революции и «Хизбаллы». В свою очередь Саудовская Аравия брала на себя задачу противостояния Ирану в Йемене. Далее он добавлял, что обвинения в «союзе с сионистами» устарели, это «заезженная пластинка». Журналист задавался вопросом: «как можно противостоять Ирану в регионе Залива, в Йемене, Ираке, Ливане, Сирии и в Палестине», не учитывая израильский фактор?»³¹ На практике речь

²⁹ Хадим аль-Харамейн юхаззир мин хутура аль-машруа аль-иклимий ли ан-низам аль-ираний...

³⁰ Goldberg J. Saudi crown prince: Iran's supreme leader 'makes Hitler look good' // The Atlantic. 02.04.2018. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/04/mohammed-bin-salman-iran-israel/557036> (accessed: 18.09.2021).

³¹ ар-Рашид А.Р. Иран ва ибтизиз би Исраиль [Иран и шантаж Израилем] // аш-Шарк аль-Аусат. 19.02.2019. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/1597336/عبد-باسرائيل-وابتزازنا-إيران/الراشد-الرحمن> (дата обращения: 18.09.2021).

шла об установлении контактов между Эр-Риядом и Иерусалимом и регулярном обмене информацией по линии специальных служб и армейской разведки. В ноябре 2020 г. на саудовской территории (в городе Неоме) состоялась встреча Мухаммеда бен Сальмана и (в то время) премьер-министра Биньямина Нетаньяху (хотя сообщения о ней и были опровергнуты саудовской стороной), посвященная обсуждению двусторонних отношений и взаимодействию в противостоянии Ирану.

СМИ королевства также подчеркивали важность контактов с Израилем. Так, авторы публикаций в саудовской прессе квалифицировали состоявшийся в октябре 2018 г. визит Б. Нетаньяху в Оман как «четкую и открытую позицию султаната», содействующую развитию «политической дифференциации» Ближнего Востока³². В Эр-Рияде были далеки от того, чтобы высказывать какие-либо критические замечания в адрес государств ССАГЗ (прежде всего ОАЭ), где проходили спортивные, культурные и общественные мероприятия с участием израильских представителей. В марте 2018 г. королевство предоставило авиакомпании Air India, самолеты которой совершают полеты в Тель-Авив, возможность использовать саудовское воздушное пространство.

Начавшийся в августе 2020 г. процесс нормализации отношений между ОАЭ (затем и Бахрейном) и Израилем официальный Эр-Рияд не комментировал, однако это не означало отсутствия реакции саудовской прессы. И реакция, что примечательно, чаще всего была жесткой в отношении палестинской стороны. Квалифицируя эмиратско-израильское «Соглашение Авраама», М. аз-Заиди писал об «огромном политическом, психологическом и связанном с безопасностью прорыве». По его мнению, соглашение не только «не проигнорировало справедливое палестинское право на обладание государством», но и «создало возможность, далекую от болтовни “Братьев-мусульман” и Ирана, для реализации решения на основе принципа двух государств». Вспоминая эпоху заключения египетско-израильских Кэмп-Дэвидских соглашений, автор проводил знак равенства между решением ОАЭ и «историческим актом великого

³² ар-Рашид А.Р. Маза баад зияра Нетаньяху иля Маскат? [Что последует за визитом Нетаньяху в Маскат?] // аш-Шарк аль-Аусат. 28.10.2018. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/1440206/إلى-غتنياهو-زيار-عبد-مادا-الرائد-الرحمن-عبد-مسقط؟> (дата обращения: 18.09.2021).

президента Анвара Садата», «положившим начало ближневосточному мирному процессу»³³.

Саудовская Аравия, тем не менее, далека от того, чтобы в обозримом будущем пойти на нормализацию отношений с Израилем. На этом пути немало препятствий: наследие прошлого, представленное официальной идеологической доктриной и стоящим за ней корпусом улемов, различия во взглядах (которые варьируют от крайне консервативных до либеральных) разных поколений в саудовском властном истеблишменте, а также вызовы подпольной антисистемной (апеллирующей к религиозным постулатам) внутренней оппозиции, смыкающейся с экстремистами в других странах региона. В списке этих препятствий и внешнеполитические обстоятельства — иранский курс создает основу (используя палестинский фактор) для сплочения саудовских региональных противников. Как заявлял А. аль-Джубейр, хотя его страна и имеет «дорожную карту установления дипломатических отношений с Израилем», но практическая реализация этой карты зависит от достижения «соглашения [израильтян. — Г.К.] с палестинцами»³⁴.

Саудовская Аравия: противостояние терроризму³⁵

Вынесенная на повестку дня внешней политики Эр-Рияда после 2011 г. проблема противостояния «идеологии религиозного экстремизма» требовала принятия конкретных мер. Речь шла в первую очередь об определении тех структур, которые следовало рассматривать в качестве «экстремистских» и «террористических». В феврале 2014 г. в Саудовской Аравии был обнародован королевский указ о запрете «экстремистских и террористических религиозных группировок и течений». Менее чем через месяц, в начале марта 2014 г., был опубликован и список таких организа-

³³ аз-Заиди М. аль-Иттифак аль-имаратий аль-исраилий ихтирак ли хаджиз аль-вахм [Эмиратско-израильское соглашение — прорыв иллюзорного препятствия] // аш-Шарк аль-Аусат. 14.08.2020. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2446691/الوهم-لحاجز-اختراق-الإسرائيلى-الإماراتى-الاتفاق/الذائدى-مشاري> (дата обращения: 18.09.2021).

³⁴ U.S. Mideast peace plan not finalised, but efforts 'serious', says Saudi's Jubeir // Reuters. 14.12.2017. Available at: <https://in.reuters.com/article/usa-trump-saudi/u-s-mideast-peace-plan-not-finalised-but-efforts-serious-says-saudis-jubeir-id1NKBNI1E81PX> (accessed: 18.09.2021).

³⁵ В этом разделе автор использовал некоторые положения своей работы «Саудовская Аравия: государство и политика», см. подробнее: [Косач, 2015].

ций³⁶, включивший Движение «Братья-мусульмане»³⁷, «ИГИЛ», йеменских хуситов, «Аль-Каиду»³⁸ и ее страновые филиалы, сирийскую «Джабхат ан-Нусра»³⁹ и ливанскую «Хизбаллу». Чуть позже из-за ориентации на Иран (а после 2017 г. и на Катар) в этом списке оказался и ХАМАС⁴⁰.

Экспансия «ИГИЛ», заявившего о создании подчиненных ему «вилайетов Неджд»⁴¹ и Двух Благодородных Святынь (Хиджаз⁴²) и обвинившего власти королевства в неверии, стала прямым вызовом саудовской государственности. Реагируя на вторжение «ИГИЛ» в Ирак, Абдалла бен Абдель Азиз призвал исполнить «долг, встав на пути тех, кто пытается представить ислам как религию экстремизма, ненависти и терроризма»⁴³.

Слова монарха воплощались в жизнь. Оформленное 11 сентября 2014 г. на инициированном Эр-Риядом совещании министров иностранных дел стран — членов ССАГЗ, Египта, Ирака, Иордании, Ливана, Турции и Соединенных Штатов в Джидде соглашение о создании международной коалиции противостояния «ИГИЛ» подготовило базу для совместных действий. Тогда же саудовская авиация приняла участие в нанесении ударов по позициям «ИГИЛ» в Сирии. Позже, начав операцию в Йемене, Эр-Рияд провозгласил ее одним из «фронтов международной антитеррористической кампании».

³⁶ Ас-Саудия таншур каима аль-муназзамат аль-ирхабийя [Саудовская Аравия публикует список террористических организаций] // аш-Шарк аль-Аусат. 04.02.2014. Доступ: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=12884&article=763917> (дата обращения: 18.09.2021).

³⁷ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

³⁸ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

³⁹ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

⁴⁰ ХАМАС тадъу ас-Саудийя ли инха аль-байанат аль-мухина [ХАМАС призывает Саудовскую Аравию прекратить оскорбительные заявления] // аль-Арабий аль-Джаид. 07.06.2017. Доступ: <https://www.alaraby.co.uk/politics/2017/6/7> (дата обращения: 18.09.2021).

⁴¹ Историческая провинция (включая город Эр-Рияд) в центре Аравийского полуострова, колыбель саудовской государственности.

⁴² Историческая провинция (включая города Мекку и Медину) на красноморском побережье Аравийского полуострова.

⁴³ Хадим аль-Харамейн: аль-мутахазилун сюсбихун дахийя ли аль-ирхаб [Хранитель Двух Святынь: малодушные станут жертвами терроризма] // аш-Шарк аль-Аусат. 02.08.2014. Доступ: <http://aawsat.com/home/article/150811?archive=1&date=08/02/2014> (дата обращения: 18.09.2021).

Саудовское противостояние терроризму было во многом также окрашено в тона конфронтации с Ираном. Созданная в декабре 2015 г. Мухаммедом бен Сальманом «Исламская военная коалиция», задачей которой провозглашался разгром «ИГИЛ», обрела черты антииранского альянса. При этом присутствие «ИГИЛ» на сирийской территории ни в коей мере не подталкивало Эр-Рияд к тому, чтобы включить официальный Дамаск в состав участников противостояния террористам. Более того, по словам саудовского сановника, «если международное сообщество действительно стремится уничтожить гадину терроризма в Сирии, оно должно устранить первопричину сложившегося положения — режим Асада», а также добиться от Ирана отказа от его поддержки⁴⁴. Эта позиция не только распространяла на Иран обвинения в сотрудничестве с «ИГИЛ», но и после начала в сентябре 2015 г. российской военной операции исключала достижение какого-либо антитеррористического взаимодействия с Москвой.

Иран неоднократно обвинялся саудовской стороной во взаимодействии с «Аль-Каидой» (речь шла о создании лагерей этой организации на иранской территории, «укрывательстве» и предоставлении убежища ее лидерам и родственникам Усамы бен Ладена). Развивая эти обвинения, М. аз-Заиди подчеркивал: «Усама [бен Ладен. — Г.К.], провозглашавший Саудовскую Аравию основной целью своей преступной деятельности, всего лишь реализовывал замыслы Хомейни и хомейнистов. Так действовали и ученики Усамы — Хасан Насрулла, Абдель Малек аль-Хуси, бандиты хомейнистского “народного ополчения” в Ираке, ИГИЛ, “Братья-мусульмане” и подобные им»⁴⁵. «Иранский след» в дальнейшем был обнаружен и в Тунисе, когда после июльских событий 2021 г. в этой стране саудовская пресса безоговорочно квалифицировала партию «ан-Нахда» в качестве местного филиала Движения «Братья-мусульмане», подчеркивая, что шаги президента Каиса Саида по борьбе с ней «сокрушили по-

⁴⁴ Мутаб бен Абдель Азиз фи тасрихиhi ли аш-Шарк аль-Аусат: истиасааль аль-ирхаб фи Сурия яани изаля ан-низам аль-лязи валлядаху [Мутаб бен Абдель Азиз заявляет аш-Шарк аль-Аусат: выкорчевать терроризм в Сирии — значит устранить породивший его режим] // аш-Шарк аль-Аусат. 26.11.2011. Доступ: http://classic.aawsat.com/details.asp?section=4&issueno=13147&article=795_963 (дата обращения: 18.09.2021).

⁴⁵ Аз-Заиди М. Ман нахну? Хадис Мухаммед бен Сальман...

следнюю цитадель «Братьев» в арабском мире, их власть в Тунисе окончилась»⁴⁶.

Сделанное в январе 2021 г. заявление (в то время) главы американского Государственного департамента Майка Помпео о связях Тегерана и «Аль-Каиды» было воспринято в Эр-Рияде как ожидаемая новость. Комментируя сказанное главой американского внешнеполитического ведомства, всё тот же колумнист «аш-Шарк аль-Аусат» писал, что «поскольку Иран — центр поддержки “Аль-Каиды”», постольку «Запад и мир в целом, если он уважает правду и уважает себя, должны относиться к тегеранскому режиму как к террористическому и антизаконному». Необходим не «диалог» с ним, заключал М. аз-Заиди, а международное противостояние «его преступным замыслам и действиям»⁴⁷.

Саудовская Аравия и Соединенные Штаты: противоречивое партнерство

Постреволюционная ситуация предполагала появление новых нюансов и в саудовско-американских отношениях. Не меняя основополагающих основ двустороннего взаимодействия, эти нюансы становились дополнительным подтверждением движения Эр-Рияда к проведению самостоятельного регионального курса, а также свидетельствовали о его стремлении к диверсификации внешнеполитических связей.

Позиция администрации Б. Обамы в отношении «арабской весны» (ее наиболее яркими проявлениями, по словам Абдаллы бен Абдель Азиза, стали «безразличие» в отношении свержения президента Х. Мубарака, а также поддержка Вашингтоном «во имя демократии» действий «Братьев-мусульман») поставила перед Эр-Риядом вопрос о том, могут ли Соединенные Штаты оставаться надежным гарантом региональной безопасности. Успехи в отношениях с администрацией Б. Обамы, достигнутые после прихода к власти Сальмана бен Абдель Азиза (в ходе его первого зарубежного визита в начале сентября

⁴⁶ Ар-Рашид А.Р. Тунис: сукут кальъа аль-Ихван аль-ахира [Тунис: падение последнего оплота «Братьев»] // аш-Шарк аль-Аусат. 27.07.2021. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/3100376/عبد-الراشد-الرحمن-عبد-الإخوان-الآخر-قلعة-سقوط-تونس> (дата обращения: 18.09.2021).

⁴⁷ аз-Заиди М. Помпео ва аль-иша аль-ираний аль-ахир [Помпео и последний ужин с иранцами] // аш-Шарк аль-Аусат. 13.01.2021. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2738141/الأخير-الإيراني-والعشاء-جوميبيو-الذي-يشاري> (дата обращения: 18.09.2021).

2015 г. в американскую столицу было заключено соглашение о разработке программы двустороннего «Стратегического партнерства XXI века»), выглядели зыбкими и недостаточными. Саудовский истеблишмент испытывал всё большее разочарование политикой своего партнера.

Перечень претензий постоянно нарастал. Как отмечал А.Р. ар-Рашид, Б. Обаму упрекали в том, что он «согласился с сохранением режима Асада» и «промолчал по поводу российской экспансии». Его вина заключалась в «безразличии, проявленном его администрацией» в отношении того, что «террористы стали действовать во всем мире». На Ближнем Востоке курс Б. Обамы «поощрял тех, кто создавал кризисы». Наиболее печальными следствиями этого курса (американский лидер, по мнению цитируемого автора, был «худшим президентом за всю историю саудовско-американских отношений») стали превращение Ирака «в жертву иранцев и ИГИЛ», а также «продажа Сирии за сделку по иранской ядерной программе». Если будущий американский президент, замечал А.Р. ар-Рашид, «остановит курс Обамы на поощрение Ирана и расширение ареала активности террористов», то «это станет огромным достижением»⁴⁸.

Надежды на то, что сменивший Б. Обаму Дональд Трамп пойдет по этому пути, казались оправданными. В середине марта 2017 г. американский президент встретился в Вашингтоне с Мухаммедом бен Сальманом. По итогам встречи стороны подчеркнули необходимость «отпора дестабилизирующим действиям Ирана и переоценки соглашения по иранской ядерной программе»⁴⁹. В мае 2017 г. Д. Трамп совершил свой первый зарубежный визит — в Эр-Рияд (а затем — в Иерусалим). Комментируя этот визит, А. аль-Джубейр (в то время глава внешнеполитического ведомства) заявлял: «Президент Трамп стремится восстановить роль США в мире, и это приветствуют союзники Америки. Он выразил желание разгромить ИГИЛ и другие террористические организации, того же желают и союзники Аме-

⁴⁸ ар-Рашид А.Р. Маза ляу Трамп асва мин Обама? [А если Трамп хуже Обамы?] // аш-Шарк аль-Аусат. 23.01.2017. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/837086/عبد-الرحمن-الراشد/ماذا-لو-ترتب-أسوأ-من-أوباما> (дата обращения: 18.09.2021).

⁴⁹ Трамп ва Мухаммед бен Сальман юаккидан дарура муваджаха Иран [Трамп и Мухаммед бен Сальман подтверждают необходимость противостояния Ирану] // CNN Arabic. 15.03.2017. Доступ: <https://arabic.cnn.com/middleeast/2017/03/15/trump-mohamed-bin-salaman-meeting> (дата обращения: 18.09.2021).

рики. Он стремится обуздать незаконные действия Ирана в регионе, к этому стремятся региональные союзники Америки»⁵⁰.

Эр-Рияд приветствовал провозглашенную Д. Трампом в октябре 2017 г. «Новую стратегию по Ирану», предусматривавшую «нейтрализацию дестабилизирующего влияния иранского правительства» и «активизацию традиционных региональных союзов и партнерств»⁵¹. Объявленное же им в мае 2018 г. решение о выходе из СВПД квалифицировалось Эр-Риядом как «полный провал сделки по иранской ядерной программе»⁵². В контексте этого решения шаги, не удовлетворявшие Саудовскую Аравию (сделанное в начале декабря 2017 г. заявление о признании Иерусалима столицей Израиля и переносе американского посольства в этот город, признание в марте 2019 г. израильского суверенитета над Голанскими высотами, принятый в январе 2020 г. документ «Мир во имя процветания»), не стали поводом для охлаждения двусторонних отношений, а лишь подверглись вербальному осуждению. Расхождения по этим вопросам не могли рассматриваться «в качестве принципиальных», как заявляла посол королевства в Вашингтоне Рима бинт Бандар, поскольку основой двустороннего сотрудничества оставались «совместные действия в сфере обеспечения безопасности, стабильности и недопущения регионального хаоса»⁵³.

Победа Джозефа Байдена на президентских выборах 2020 г. создала для саудовского истеблишмента ситуацию неопределенности. Речь шла не только о возможном возвращении Соединенных Штатов в СВПД, но и о выдвижении новой демократической администрацией

⁵⁰ Аль-Джубейр: зияра Трамп тарихий [аль-Джубейр: визит Трампа — исторический] // аль-Хурра. 05.05.2017. Доступ: <https://www.alhurra.com/latest/2017/05/05/الجبير-زيارة-ترامب-تاريخية-والسعودية-تشرىك-أمير-كأس-الأول> (дата обращения: 18.09.2021).

⁵¹ President Donald J. Trump's new strategy on Iran // White House. 13.10.2017. Доступ: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-new-strategy-iran> (дата обращения: 18.09.2021).

⁵² Ас-Саудия: аль-иттифак ан-нававий аль-ираний асбат фашлаху [Саудовская Аравия: иранское ядерное соглашение провалилось] // аль-Хурра. 23.11.2020. Доступ: <https://www.alhurra.com/saudi-arabia/2020/11/23/الاتفاق-السعودية-الفرنسي-البراني-أثبت-فشل-الإيراني-النووي> (дата обращения: 18.09.2021).

⁵³ Рима бинт Бандар: ас-Саудия аш-шарик аль-аусак ли Америка фи аль-минтака [Рима бинт Бандар: Саудовская Аравия самый надежный партнер Америки в регионе] // аш-Шарк Аль-Аусат. 17.02.2020. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2135416/المنطقة-كافي-لأمير-الشريك-الأوثق-لأمير-الشرق-الأوسط> (дата обращения: 18.09.2021).

обвинений в адрес Мухаммеда бен Сальмана в связи с делом Джамаля Хашогги и положением с правами человека в Саудовской Аравии (что не входило в круг приоритетов Д. Трампа). Хотя нынешний министр иностранных дел Саудовской Аравии Фейсал бен Фархан и выражал надежду на то, что «курс Байдена будет содействовать укреплению региональной стабильности»⁵⁴, мнения саудовских аналитиков были иными.

По словам А.Р. ар-Рашида, даже если Дж. Байден и понимает, что «стабильность региона органически связана с укреплением партнерства с ведущими региональными союзниками Америки — Саудовской Аравией и Израилем», возможен и иной сценарий. Он предполагает, что саудовско-американские отношения «вступят в новый, далекий от ясности и, возможно, опасный этап», когда произойдет «примирение с Ираном, будет осуждена роль Саудовской Аравии в Йемене, выдвинуты правовые вопросы и во имя демократии поддержаны позиции “Братьев-мусульман”»⁵⁵. Саудовско-американское партнерство доказывало свой противоречивый характер.

* * *

События 2011 г., спровоцировавшие углубление кризисных тенденций в регионе арабского мира, с неизбежностью влияли на Саудовскую Аравию и ее внешнеполитический курс. Провозгласив себя «национальным государством», преследующим собственные «национальные интересы», и повысив тем самым уровень собственной субъектности в системе региональных и глобальных международных отношений (что относилось в первую очередь к сфере контактов с Соединенными Штатами), королевство взяло курс на пересмотр всей линии своего внешнеполитического поведения. Новый курс был призван защитить страну от того, что квалифицировалось в Эр-Рияде в качестве «анархии» и исключить возможность использования этой «анархии» противниками саудовского регионального господства.

⁵⁴ Фейсал бен Фархан: Байден саянтахидж сияса тусаид истикрар аль-минтака [Фейсал бен Фархан: Байден будет проводить курс, содействующий стабильности региона] // аль-Арабийя. 22.11.2020. Доступ: <https://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/2020/11/22/المنطقة-استقرار-سياسة-تساعد-سايانتا-توحيد-المنطقة> (дата обращения: 18.09.2021).

⁵⁵ ар-Рашид А.Р. Нахну ва ар-раис Байден [Мы и президент Байден] // аш-Шарк Аль-Аусат. 09.11.2020. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2613581/عبد-الرحمن-ناحنو-وبايدين-الراشد> (дата обращения: 18.09.2021).

Противодействие Ирану (никогда официально не окрашивавшееся с саудовской стороны в религиозные тона) и его региональным союзникам — негосударственным акторам Ближнего Востока — обрело характер приоритетного направления саудовской внешней политики.

Практическая реализация этого курса предполагала устремленность к консолидации ССАГЗ, в том числе на основе решительных (но часто определяемых личными пристрастиями) мер в отношении «внутренних диссидентов», главным из которых выступал Катар. Речь также шла о (пусть и осторожном) сближении с Израилем. Конфронтация с еврейским государством (и ее важнейший элемент — поддержка «палестинских чаяний»), ранее понимавшаяся как путь к сплочению «арабо-мусульманской нации», уходила (хотя и медленно) в прошлое. На первый план выдвигался нарратив защиты «национальных интересов» королевства.

Провозглашенная Эр-Риядом борьба с терроризмом (сторонниками которого объявлялись как шиитские, так и неугодные суннитские организации и движения) дополнительно акцентировала существование саудовских «национальных интересов», выглядевших всё менее связанными с прежней ролью ведущего защитника мирового мусульманского сообщества. Новые очертания приобретало и прежнее саудовско-американское стратегическое партнерство: колебания региональной политики Соединенных Штатов (в немалой степени определявшиеся событиями «арабской весны») создавали тенденцию к диверсификации внешних связей Эр-Рияда, стремящегося теперь стать ведущим полюсом Ближнего Востока и арабского мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. аль-Али Х.И. Мабадиа ва ахдаф ас-сияса аль-хариджийя ас-саудийя (аль-мустава аль-халиджий, аль-ислямий, ад-дуввалий [Принципы и цели саудовской внешней политики (Залив, исламский мир, мировое сообщество)] // ас-Сияса аль-хариджийя ли аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя фи миат амм [Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет]. Эр-Рияд: Министерство иностранных дел, 2006. С. 52–80. (На араб.)
2. аль-Курди А.А. аль-Илякат ас-саудийя аль-америкийя ва амн аль-Халидж [Саудовско-американские отношения и безопасность Залива]. Бейрут, Дар аль-Хикма, 1993. (На араб.)
3. аль-Мансур М.А. ас-Сияса аль-хариджийя ас-саудийя фи аль-итар аль-арабий [Саудовская внешняя политика в арабском мире] // ас-Сияса аль-хариджийя ли аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя фи миат амм

[Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет]. Эр-Рияд: Министерство иностранных дел, 2006. С. 171–257. (На араб.)

4. ар-Раджхи С.А. Илякат аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя би дувваль аль-Халидж: аль-джаниб ас-сиясий [Отношения Королевства Саудовская Аравия с государствами Залива: политический аспект] // аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя фи миат амм. Ас-Сияса аль-хариджийя [Королевство Саудовская Аравия за сто лет. Внешняя политика]. Эр-Рияд: Дара аль-малик Абдель Азиз, 2007. С. 123–170. (На араб.)

5. ар-Рашид Х.М. ас-Сияса аль-хариджийя ас-саудийява аль-амн фи минтака аль-Халидж [Саудовская внешняя политика и безопасность в регионе Залива]. Эр-Рияд: Министерство высшего образования, 2012. (На араб.)

6. ат-Турки М. Саудовско-российские отношения в глобальных региональных процессах (1924–2004 гг.). М.: Прогресс, 2005.

7. аш-Шамлан А.С. аль-Илякат ас-саудийя аль-американийя [Саудовско-американские отношения] // ас-Сияса аль-хариджийя ли аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя фи миат амм [Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет]. Эр-Рияд: Министерство иностранных дел, 2006. С. 324–382. (На араб.)

8. Барановский В.Г., Наумкин В.В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 5–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19.

9. Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М.: Классика плюс, 1999.

10. Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. М.: Аспект Пресс, 2018.

11. Звягельская И.Д. Конфликты на Ближнем Востоке: тенденции и игроки // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 16–24.

12. Звягельская И.Д. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке // Ближний Восток в поисках политического будущего / Под ред. В.Г. Барановского, В.В. Наумкина. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 17–43.

13. Косач Г.Г. Российско-саудовские отношения: политический аспект. 1990–2005. М.: Институт Ближнего Востока, 2016.

14. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990-х – 2006 г.). М.: Институт Ближнего Востока, 2007.

15. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: государство и политика // Год планеты. 2015. С. 386–398.

16. Косач Г.Г. Саудовская Аравия и Израиль: палестинский контекст // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 61–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-61-69.

17. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 4. С. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67.

18. Косач Г.Г. Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования. М.: Институт Ближнего Востока, 2008.

19. Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.

20. Наумкин В.В. Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами. М.: Институт востоковедения РАН, 2018.

21. Наумкин В.В. Снизу вверх и обратно. «Арабская весна» и глобальная международная система // *Россия в глобальной политике*. 2011. № 4. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/snizu-vverh-i-obratno> (дата обращения: 18.09.2021).

22. Сурков Н.Ю. Саудовская Аравия: мантра об исключительности // *Ближний Восток: политика и идентичность* / Под ред. И.Д. Звягельской; ИМЭМО РАН. М.: Аспект-Пресс, 2020. С. 228–234.

23. Abir M. Oil, power and politics. Conflict in Arabia, the Red Sea and the Gulf. London: Frank Cass, 1974.

24. Abir M. Saudi Arabia. Government, society and the Gulf crisis. London: Routledge, 1994.

25. Abir M. Saudi Arabia in the oil era. London: Routledge, 2015.

26. al-Alkim H.H. Dynamics of Arab foreign policy-making in the twenty-first century. Domestic constraints and external challenges. London: Saqi Books, 2012.

27. al-Rasheed M. A history of Saudi Arabia. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

28. al-Rasheed M. Politics in an Arabian oasis: Rashidis of Saudi Arabia. London: I.B. Tauris, 1997.

29. al-Rasheed M. Salman's legacy: The dilemmas of a new era in Saudi Arabia. Oxford: Oxford University Press, 2018.

30. Determann J.M. Historiography in Saudi Arabia. Globalization and the state in the Middle East. London: I.B. Tauris, 2014. DOI: 10.4000/cy.3172.

31. Ehteshami A. Saudi Arabia as a resurgent regional power // *The International Spectator*. 2018. Vol. 53. No. 4. P. 75–94. DOI: 10.1080/03932729.2018.1507722.

32. Katz M. The Gulf and the great powers: Evolving dynamics // *Middle East Policy*. 2017. Vol. 24. No. 2. P. 102–109. DOI: 10.1111/mepo.12271.

33. Katz M. Russia's regional ties grow at Saudi expense. 19.08.2016. Available at: <https://agsiw.org/russias-regional-ties-grow-at-saudi-expense> (accessed: 18.09.2021).

34. Kosach G. Russia and the Organization of Islamic Cooperation: Conflict-ing interactions // *Russia's Islamic diplomacy* / Ed. by M. Laruelle. The George Washington University. CAP Paper No. 220. 2019. P. 5–20.

REFERENCES

1. al-Ali H.I. 2006. Mabadi wa ahdaf al-siyasa al-kharidjiya al-saudiya (al-mustawa al-khalidji, al-islami, al-duwali) [Principles and objectives of Saudi foreign policy (Gulf, Islamic world, world community)]. In: *al-Siyasa al-kharidjiya li al-Mamlaka al-Arabiya al-Saudiya fi mia amm* [Foreign policy of the Kingdom of Saudi Arabia in a hundred years]. Riyadh, Ministry of Foreign Affairs, pp. 52–80. (In Arabic.)
2. al-Kurdi A.A. 1993. *al-Ilqat al-saudiya al-amrikiya wa amn al-Khalidj* [Saudi-American relations and Gulf security]. Beirut, Dar al-Hikmah. (In Arabic.)
3. al-Mansur M.A. 2006. al-Siyasa al-kharidjiya al-saudiya fi al-itar al-arabi [Saudi foreign policy in the Arab world]. In: *al-Siyasa al-kharidjiya li al-Mamlaka al-Arabiya al-Saudiya fi mia amm* [Foreign policy of the Kingdom of Saudi Arabia in a hundred years]. Riyadh, Ministry of Foreign Affairs, pp. 171–257. (In Arabic.)
4. al-Radjhi S.A. 2007. Ilqat al-Mamlaka al-Arabiya al-Saudiya bi duwwal al-Khalidj: al-djanib al-siyasiy [Relations of the Kingdom of Saudi Arabia with the Gulf states: Political aspect]. In: *al-Mamlaka al-Arabiya al-Saudiya fi mia amm. al-Siyasa al-kharidjiya* [Kingdom of Saudi Arabia in a hundred years. Foreign policy]. Riyadh, Dar al-malik Abdel Azizi, pp. 123–170. (In Arabic.)
5. al-Rasheed H.M. 2012. *al-Siyasa al-kharidjiya al-saudiya wa al-amn fi mintaqah al-Khalidj* [Saudi foreign policy and security in the Gulf region]. Riyadh, Ministry of Higher Education. (In Arabic.)
6. al-Shamlan A.S. 2006. al-Ilqat al-saudiya al-amrikiya [Saudi-American relations]. In: *al-Siyasa al-kharidjiya li al-Mamlaka al-Arabiya al-Saudiya fi mia amm* [Foreign policy of the Kingdom of Saudi Arabia in a hundred years]. Riyadh, Ministry of Foreign Affairs, pp. 324–382. (In Arabic.)
7. at-Turki M. 2005. *Saudovsko-rossiiskie otnosheniya v global'nykh regional'nykh protsessakh (1924–2004 gg.)* [Saudi-Russian relations in global and regional processes (1924–2004)]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.)
8. Baranovskii V.G., Naumkin V.V. 2018. Blizhnii Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste: klyuchevye trendy stoletnego razvitiya [The Middle East in a changing global context: The key trends of centennial development]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 3, pp. 5–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19. (In Russ.)
9. Vasil'ev A.M. 1999. *Istoriya Saudovskoi Aravii* [History of Saudi Arabia]. Moscow, Klassika plus Publ. (In Russ.)
10. Zvyagel'skaya I.D. 2018. *Blizhnii Vostok i Tsentral'naya Aziya: global'nye trendy v regional'nom ispolnenii* [Middle East and Central Asia: Global trends in regional performance]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
11. Zvyagel'skaya I.D. 2017. Konflikty na Blizhnem Vostoke: tendentsii i igroki [Conflicts in the Middle East: Trends and actors]. *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: Istoriya i sovremennost'*, no. 3, pp. 16–24. (In Russ.)

12. Zvyagel'skaya I.D. 2019. Simvol'y i tsennosti v mezhdunarodnykh otno-sheni-yakh na Blizhnem Vostoke [Symbols and values in international relations in the Middle East]. In: Baranovskii V.G., Naumkin V.V. (eds.). *Blizhnii Vostok v poiskakh politicheskogo budushchego* [The Middle East in search of a political future]. Moscow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences Publ., pp. 17–43. (In Russ.)

13. Kosach G.G. 2016. *Rossiisko-saudovskie otnosheniya: politicheskii aspekt. 1990–2005* [Russian-Saudi relations: Political aspect. 1990–2005]. Moscow, Institute of Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)

14. Kosach G.G. 2007. *Saudovskaya Araviya: vnutripoliticheskie protsessy 'etapa reform' (konets 1990-kh – 2006 g.)* [Saudi Arabia: Internal political processes during the 'stage of reforms' (late 1990s — 2006)]. Moscow, Institute of Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)

15. Kosach G.G. 2015. Saudovskaya Araviya: gosudarstvo i politika [Saudi Arabia: State and politics]. *God planet*, pp. 386–398. (In Russ.)

16. Kosach G.G. 2021. Saudovskaya Araviya i Izrail': palestinskii kontekst [Saudi Arabia and Israel: The Palestinian context]. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 1, pp. 61–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-61-69. (In Russ.)

17. Kosach G.G. 2019. Saudovskaya Araviya: transformatsiya vlasti i poli-tiki [Saudi Arabia: Transformation of power and policy]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 4, pp. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67. (In Russ.)

18. Kosach G.G. 2008. *Saudovskii diplomaticheskii korpus: etapy evolyutsii i istochniki formirovaniya* [Saudi diplomatic corps: Stages of evolution and sources of formation]. Moscow, Institute of Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)

19. Kosach G.G., Melkumyan E.S. 2003. *Vneshnyaya politika Saudovskoi Aravii. Prioritety, napravleniya, protsess prinyatiya resheniya* [Foreign policy of Saudi Arabia. Priorities, directions, and decision-making process]. Moscow, Institute of Israeli and Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)

20. Naumkin V.V. 2018. *Nesostoyavsheesya partnerstvo. Sovetskaya diplo-matiya v Saudovskoi Aravii mezhd u mirovymi voynami* [Failed partnership. Soviet diplomacy in Saudi Arabia between the world wars]. Moscow, Institute of Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)

21. Naumkin V.V. 2011. Snizu vverkh i obratno. 'Arabskaya vesna' i global'naya mezhdunarodnaya sistema [Moving from the bottom up and back down again. The Arab Spring and the global international system]. *Russia in Global Affairs*, no. 4. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/snizu-vverh-i-obratno> (accessed: 18.09.2021). (In Russ.)

22. Surkov N.Yu. 2020. Saudovskaya Araviya: mantra ob isklyuchitel'nosti [Saudi Arabia: The mantra of exclusivity]. In: Zvyagel'skaya I.D. (ed.). *Blizhnii Vostok: politika i identichnost'* [The Middle East: Politics and identity]. IMEMO RAN. Moscow, Aspekt-Press Publ., pp. 228–234. (In Russ.)

23. Abir M. 1974. *Oil, power and politics. Conflict in Arabia, the Red Sea and the Gulf*. London, Frank Cass Publ.
24. Abir M. 1994. *Saudi Arabia. Government, society and the Gulf crisis*. London, Routledge.
25. Abir M. 2015. *Saudi Arabia in the oil era*. London, Routledge.
26. al-Alkim H.H. 2012. *Dynamics of Arab foreign policy-making in the twenty-first century. Domestic constraints and external challenges*. London, Saqi Books Publ.
27. al-Rasheed M. 2010. *A history of Saudi Arabia*. Cambridge, Cambridge University Press.
28. al-Rasheed M. 1997. *Politics in an Arabian oasis: Rashidis of Saudi Arabia*. London, I.B. Tauris Publ.
29. al-Rasheed M. 2018. *Salman's legacy: The dilemmas of a new era in Saudi Arabia*. Oxford, Oxford University Press.
30. Determann J.M. 2014. *Historiography in Saudi Arabia. Globalization and the state in the Middle East*. London, I.B. Tauris Publ. DOI: 10.4000/cy.3172.
31. Ehteshami A. 2018. Saudi Arabia as a resurgent regional power. *The International Spectator*, vol. 53, no. 4, pp. 75–94. DOI: 10.1080/03932729.2018.1507722.
32. Katz M. 2017. The Gulf and the Great powers: Evolving dynamics. *Middle East Policy*, vol. 24, no. 2, pp. 102–109. DOI: 10.1111/mepo.12271.
33. Katz M. 2016. *Russia's regional ties grow at Saudi expense*. Available at: <https://agsiw.org/russias-regional-ties-grow-at-saudi-expense> (accessed: 18.09.2021).
34. Kosach G. 2019. Russia and the Organization of Islamic Cooperation: Conflicting interactions. In: Laruelle M. (ed.). *Russia's Islamic diplomacy*. The George Washington University. CAP Paper No. 220, pp. 5–20.

Статья поступила в редакцию 18.06.2021; одобрена после рецензирования 29.07.2021; принята к публикации 28.10.2021.

The paper was submitted 18.06.2021; approved after reviewing 29.07.2021; accepted for publication 28.10.2021.